

Художественное оформление переплёта *Натальи Каиштыкиной*

Т14 **Тайный** сообщник : сборник рассказов зарубежных писателей : [перевод с английского]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Элегантная классика. Темная любовь).

ISBN 978-5-04-206261-2

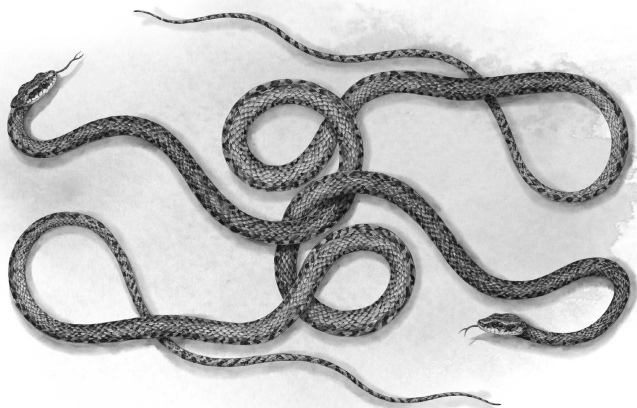
Тема двойничества в литературе возникала ещё в фольклоре и мифологии (например, в «Старшей Эдде»). Авторы вводят двойников в произведения для различных целей: исследование идентичности, символизация внутреннего конфликта, критика и саморефлексия, создание напряжения и интриги. Образ двойника получил популярность в эпоху романтизма. В этом сборнике представлены как популярные рассказы — «Вильям Вильсон» Э. А. По, «Тайный сообщник» Дж. Конрада, — так и малоизвестные рассказы Г. Джеймса, Дж. К. Бантза, У. Дж. Уинтла, Э. Блэквуда, Дж. Конрада, А. Бирса, Ф. М. Кроуфорда, Э. Дж. Бульвер-Литтона, Б. Стокера. Раздвоение личности, страшные истории близнецов; внезапная встреча с человеком, один в один похожим, который преследует главного героя, доводит до ужасного финала, — такие вариации сюжета о допльгантере читатель найдёт на страницах данной книги.

Рассказы «Частная жизнь», «Ужас близнецов» и «Западня» публикуются в новом переводе.

УДК 821.111-32
ББК 84(0)-44

© Волков А., перевод на русский язык, 2025
© Облонская Р., перевод на русский язык. Наследники, 2025
© В. Бернацкая, перевод на русский язык, 2025
© Антонов С., составление, перевод на русский язык, 2025
© Холмская О., перевод на русский язык, Наследники, 2025
© Брилова А., перевод на русский язык, 2025
© Мамедова Т., перевод на русский язык, 2025
© Бродоцкая А., перевод на русский язык, 2025
© Корчагин Г., перевод на русский язык, 2025
© Кальницкая Д., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206261-2

Эдвард Джордж Бульвер-Литтон

1803–1873

Монос и даймонос

Легенда

По рождению я англичанин, но мои ранние годы прошли за границей, в стране более северной. Ни братьев, ни сестер у меня не было; моя мать умерла, когда я еще лежал в колыбели; и единственного близкого человека, наставника и товарища детских игр я обрел в моем отце. Он был младшим сыном в родовитом и старинном семействе; что принудило его оставить родину и друзей, отринуть всякое общество и поселиться на скале — само по себе отдельная повесть, не имеющая никакого отношения к моей.

Господь свидетель, я убежден, что рассказ, который я поведу, в достаточной мере привлечет ваше внимание, поэтому нет нужды излагать еще чью-либо историю, чтобы предварительно прояснить его мелкие подробности или придать больше занимательности его удивитель-

нейшим событиям. Я сказал, что мой отец жил на скале, ибо вся окружающая местность — пустынная, холодная, голая, унылая — казалась одной сплошной скалой: чахлые деревца, пожухлые травы; пещеры, сквозь которые, клубясь и завывая в своем блаженном стремлении, бежал темный и бурный поток, никогда не видевший ни звезд, ни солнца, разве что мельком, сквозь редкие и страшные разломы в нависших над ним каменных громадах; нескончаемые утесы, покрытые вечными снегами и населенные хищными птицами, чьи разноголосые крики были самой приличествующей музыкой для этих небес, слишком холодных и угрюмых, чтобы облака могли равномерно устлать их тусклое, серое, бесприютное пространство; все это составляло приметы той страны, где влачилась весна моей жизни. Климат, который в более благоприятных областях **** разнообразит девять месяцев зимы тремя месяцами лета, резко наступающего и столь же внезапно сменяемого новой зимой, казалось, всегда оставался одинаковым в том милом и ласковом краю, где находился *мой* дом. Лишь на краткое время снег в долинах таял, ручьи вздувались, и синюшные, уродливого и неестественного вида растения, подобно горькой усмешке, показывались тут и там на бескрайних скалах; но именно этими признаками смены времен года и ограничивалось лето в пору моего детства. Мой отец питал склонность к наукам — естественным наукам, а обо всем прочем имел понятие весьма посредственное; все свои знания он передал мне; а довершила мое образование Природа, дикая и суровая, преподав моей душе безмолвные, но глубоко запавшие уроки. Она научила мои ноги совершать прыжки, а руки — наносить удары; она вдохнула жизнь в мои страсти и сообщила мрачность моему нраву; она научила меня тянуться к ней, даже в ее самых грубых и непривлекательных проявлениях, а все-

го прочего — мужской дружбы, милых женских улыбок и звонких детских голосов, всех привязанностей, надежд, общественных взаимодействий и иных составляющих человеческого существования — сторониться, словно мучений и бедствий. Даже на этих суровых скалах, под этим неприветливым небом я обладал сокровищем, которое неведомо пресыщенному городскому вкусу или тем, кто ищет наслаждений среди благоуханного воздуха, в стране роз! Что это было за сокровище? Оно имело несметное множество разновидностей и приятных оттенков — но лишь одно название. Что это было за сокровище? *Уединение!*

Мой отец умер, когда мне было восемнадцать лет; препорученный покровительству моего дяди, я вернулся в Лондон. Я прибыл туда, худощавый и угрюмый, телом силач, а обхождением и нравом, по мнению окружающих, — совершеннейший дикарь. Они были бы и не прочь посмеяться надо мной, но я внушал им страх; они были бы и не прочь изменить *меня*, но я сам изменил *их*; я омрачал их увеселения и нагонял тень на их сборища. Хотя говорил я мало, хотя я сидел среди них отрешенно, молчаливо и безучастно, мое присутствие их словно иссушало. Никто не мог жить рядом со мной счастливо или спокойно! Я это чувствовал и ненавидел их за то, что они не могли полюбить меня. Минуло три года — я достиг совершеннолетия, вступил в права наследства — и, гнушаясь обществом, возжаждав уединения, решил предпринять путешествие по тем безлюдным и отдаленным землям, из которых, даже если кому и удавалось туда проникнуть, не возвращался с рассказами никто. Итак, я распрощался с кузиной и тетушкой, а когда явился к своему престарелому дяде, питавшему ко мне меньше расположения, чем кто-либо, то сдал его руку столь дружеским пожатием, что, думается мне, с тех пор сия изящная и хо-

ленная конечность исполняла свои привычные действия не совсем исправно.

Я отправился в странствия: проник в палящие пески, пересек бескрайние пустыни, шагнул под сень бескрайних африканских лесов, куда вовек не ступала нога человека, где человеческий голос вовек не нарушал внушающей трепет, важной Торжественности, что витает над великим уединением, как витала над хаосом еще до сотворения мира! Там взрастает и гибнет первозданная природа, не тревожимая и не изменяемая внешними потрясениями; семя превращается в дерево, живет бесчисленные века, падает и разлагается, гниет и исчезает; время там течет медленно, не открывая своих могучих и немых перемен ни перед кем, кроме бродячего льва или той огромной змеи, в сто раз больше худосочного удава, встречей с которым похваляются путешественники. Там же, лежа знойным полднем в тяжелой и густой тени, я слышал топот, словно шагало целое войско, слышал треск и падение деревьев и видел сквозь сплетенные ветви, как грозно шествует бегемот, и глаза его пылают, будто солнце, а белые клыки выгибаются дугами и блестят в яростном зеве, подобно колоннам в гроте: чудище, которое обитает лишь в этой глуши и с тех пор, как воды схлынули с этой полной чудес земли, не являлось изумленному человеческому взору — ничьему, кроме моего! Времена года проносились друг за другом, но я не вел им счета; их не разделяли границы, придуманные человеком, не обезображивали превратности его низкой жизни и следы его презренных трудов. Времена года проносились друг за другом, и моя молодость сменилась зрелостью, а зрелость тронули сединой первые морозы старения; на меня навалилось чувство неопределенности и беспокойства, и я сказал себе, в своем глупом сердце: «Посмотрю-ка я еще разок на лица моих соплеменни-

ков!» Я обратил стопы назад: вновь пересек пустыни, вновь вступил в города, вновь обрядился в человеческие одежды; ибо прежде, в глуши, я был наг, а облачением мне служили отросшие волосы. Я добрался до какого-то морского порта и на корабле отбыл в Англию.

На судне был один человек — единственный, кто не избегал моего общества и не отвращался от моего хмурого вида. То была праздная и любопытная личность, исполненная легкомыслия, самовлюбленности и важности, которая свойственна тем, кому города — родной дом, и кто находит духовную пищу в пустословии. Он являл собой докучливое, несносное, гадкое сплетение мелких и низких мыслишек. Единственным пороком, которым он не обладал, была трусость. Невозможно было внушить ему боязнь, принудить его к молчанию или избегнуть с ним встречи. Он постоянно меня доискивался; стал для меня волдырем, который никакой силой не получалось прорвать; при его виде моя душа обмирала. Мне он представлялся одним из тех созданий, которые своей гнусностью вселяют в нас и страх, и омерзение. Когда он заговаривал со мной, у меня так и чесались руки его придушить! Частенько мне хотелось схватить его в охапку и швырнуть в море, к рысьеглазым, хищнозубым акулам, что день и ночь сновали вокруг нашего корабля; но нас видело множество людей, я сдерживался, отворачивался и обессиленно прикрывал глаза; а когда открывал их вновь, то что же? — он стоял рядом со мной, терзая мой неблагоприятный слух своим торопливым пронзительным голосом! Однажды ночью меня пробудили ото сна вопли и ругательства, и я поспешил на палубу; мы налетели на скалу. То было страшное, но — боже мой! — какое великолепное зрелище! Недвижная и спокойная луна, дремлющее сапфировое море; а посреди вселенского отдохновения, безмолвного и кроткого, триста пятьдесят

душ готовились покинуть этот мир! Я присел в сторонке, смотрел и не предпринимал ничего. Моего слуха коснулся голос, похожий на гадючье шипение; я обернулся и увидел своего мучителя; лунный свет упал его лицо, искаженное плаксивой пьяной ухмылкой, его бледно-голубые глаза блеснули, и он произнес: «Мы не разлучимся даже здесь!» Кровь похолодела у меня в жилах; я едва не бросил его в море, которое подступало к нам все быстрее и быстрее; *но лицо его освещала луна, и я не осмелился его убить*. Однако, не желая гибнуть вместе со всем этим стадом, я в одиночку спрыгнул в воду и поплыл к скале. Я заметил, как следом за мной метнулась акула, но сумел увильнуть, а спустя мгновение ей и без меня нашлось чем насытить свою утробу. Я услышал треск и многоголосый, дикий крик, исполненный страдания — страдания трехсот пятидесяти сердец, которые спустя минуту перестали биться, а я сказал себе, в *своем* сердце: «Его голос прозвучал среди прочих, и мы *все-таки* разлучились!» Я достиг берега и улегся спать.

Когда наутро мои глаза открылись, им предстал край более прекрасный, чем грезился даже древним грекам. Солнце только что взошло и весело играло над серебристыми ручьями, деревья клонились под тяжестью золотистых и пурпурных плодов, а алмазная роса искрилась на лугу, покрытом цветами, которые источали восхитительный, тончайший аромат. Тысячи птиц, на чьих великолепных пестрых крыльях сочетались все оттенки северного сияния, выпархивали из травы и древесных кущ, наполняя воздух песнями и радостью; море, на зеркальном челе которого не виделось ни единого следа недавнего крушения, шелестело у моих ног; небеса, совершенно безоблачные, залитые лучезарным сиянием, оведали ветерком мои щеки, словно осеняя благословением. Я встал с освеженным и легким серд-

цем; обошел свой новообретенный дом; поднялся на высокий холм и увидел, что нахожусь на маленьком острове, на котором нет никаких признаков человека; с переполненным сердцем я огляделся окрест и ликующе воскликнул: «Наконец-то я снова один!» Я спустился с холма; но, еще не достигнув подножия, я увидел, что в мою сторону движется человек. Я взглянул на него, и душа во мне обмерла. Человек подошел ближе, и я узнал моего гнусного преследователя, который избегнул утопления и теперь стоял передо мной. Он подошел, гадко ухмыльнувшись и подмигнув, заключил меня в объятия — лучше бы мне ощутить на себе холодные кольца змеи — и проговорил своим скрипучим и хриплым голосом:

— Ха-ха, дружище, мы по-прежнему будем вместе!

Я хмуро взглянул на него, но не сказал ни слова. Возле берега находилась большая пещера, я направился туда и вошел внутрь, а этот человек последовал за мной.

— Как счастливо мы здесь заживем, — сказал он, — мы никогда не разлучимся!

Мои губы дрогнули, кулаки непроизвольно сжались. Был уже полдень, и меня томил голод. Я отправился на охоту и убил оленя, приволок его в пещеру и часть отварил на костре, сложенном из душистых дров; этот человек ел, глодал кости и смеялся, а я желал ему подавиться; когда же мы закончили трапезу, он сказал:

— Как весело нам тут будет!

Но я снова промолчал. Наконец он растянулся в углу пещеры и заснул. Я посмотрел на него и увидел, что сон его крепок; тогда я вышел, прикатил огромный камень, завалил вход в пещеру и направился на противоположный конец острова; настал мой черед смеяться! Я набрел на еще одну пещеру; устроил себе постель из мха и листьев, соорудил деревянный столик; я выглянул из

пещеры, увидел перед собой безбрежное море и сказал:

— Наконец-то я один!

На другой день я вновь отправился на охоту, поймал козленка, приволок его в пещеру и приготовил, как раньше; но я не был голоден, поэтому есть не стал, а решил побродить по острову; когда я вернулся, солнце уже почти село. Я вошел в свое пристанище, а на моей постели возле столика сидел тот самый человек, которого, как я думал, я оставил заживо погребенным в другой пещере. При виде меня он засмеялся и отложил не до конца обглоданную кость.

— Ха-ха! — воскликнул он. — Изрядную шутку вы со мной сыграли, но в пещере обнаружился еще один лаз, не замеченный вами, поэтому я выбрался и пошел вас разыскивать. Это оказалось нетрудно, ведь остров совсем маленький; и вот мы все-таки встретились и больше не разлучимся!

— Вставайте и следуйте за мной! — велел я ему.

Он встал, и пища, которую он оставил, сделалась мне отвратительной, ибо он прикасался к ней.

«Неужели он пожнет все, что я посею?» — подумал я, и мое сердце отвердело, словно железо.

Я поднялся на высокий утес.

— Смотрите, — сказал я, — видите, ручей разделяет остров надвое; вы будете жить на одной половине, я на другой; но вместе мы не сойдемся и трапезу не разделим!

— Это невозможно! — воскликнул он. — Ведь я не сумею ни раздобыть оленя, ни догнать горного козленка. А если вы не будете меня кормить, я умру от голода!

— Разве здесь не растет плодов, — спросил я, — нет птиц, которых вы можете поймать в силки, и рыб, которых море выбрасывает на берег?

— Но я их не люблю, — ответил он и засмеялся, — то ли дело плоть козленка или оленя!

— Тогда смотрите, — сказал я, — смотрите: рядом вон с тем серым камнем на другом берегу ручья я стану каждый день оставлять козленка или оленя, и у вас будет пища, которая вам по вкусу; но если вы хоть раз пересечете ручей и вторгнетесь в мои владения, я вас убью — и это столь же верно, как то, что море шумит, а птицы летают!

Я спустился с утеса и подвел этого человека к ручью.

— Я не умею плавать, — сказал он, поэтому я посадил его себе на плечи, и перешел поток вброд, и проводил его до пещеры, и соорудил для него постель и столик наподобие моих, и оставил его. Вновь оказавшись на своем берегу, я запрыгал от радости и вскричал:

— *Наконец-то* я один!

Минуло два дня, и я *был* один. На третий я отправился на охоту; был жаркий полдень, и вернулся я уставшим. Войдя в пещеру, я увидел, что на моей постели растянулся тот самый человек.

— Ха-ха! — сказал он. — Вот и я; мне сделалось так одиноко на своей половине, что пришлось снова поселиться вместе с вами!

Я хмуро поглядел на него и сказал:

— Я вас убью — и это столь же верно, как то, что море шумит, а птицы летают!

Я схватил его в охапку, стащил с постели и выволок наружу; мы очутились вдвоем на гладком песке, возле бескрайнего моря. Внезапно меня обуял страх; я затрепетал перед Духом, царящим над Уединением. Если бы нас окружали тысячи людей, я прикончил бы его прямо у них на глазах. Теперь же мне стало страшно, ибо в этом пустынном краю мы были наедине с Безмолвием и Богом! Я ослабил хватку.

— Поклянитесь, — сказал я, — более никогда не докучать мне; поклянитесь не нарушать границу, что разделяет наши обиталища, и я *не* убью вас!

— Я не могу поклясться, — ответил он. — Я скорее умру, нежели откажусь видеть благословенное человеческое лицо — даже если это лицо моего врага!

При этих словах мой гнев вспыхнул вновь; я повалил этого человека на землю, поставил ногу ему на грудь, а рукой стиснул шею; он сопротивлялся лишь миг — и умер! Я испугался; а когда я заглянул ему в лицо, мне показалось, что оно оживает, что холодные голубые глаза смотрят прямо на меня, что на посинелые губы возвратилась гнусная ухмылка, а руки, еще недавно в смертельной агонии хватавшие песок, тянутся ко мне. Поэтому я еще раз надавил ему на грудь, выкопал на берегу моря яму и похоронил тело.

— Вот теперь, — сказал я, — я наконец-то один!

И тогда в меня проникло *НАСТОЯЩЕЕ чувство одиночества*, смутное, безрадостное, неопределенное ощущение заброшенности. И я задрожал — задрожал каждой жилкой своего могучего тела, словно малое дитя, трясущееся от страха в темноте; мои волосы встали дыбом, кровь замерла, и я не мог ни мгновения более оставаться в этом месте, будто снова сделался ребенком. Я развернулся и бросился бежать — бежать через весь остров; а когда я вновь приблизился к морю, то заскрежетал зубами, и мне захотелось быть ввергнутым в какую-нибудь бескрайнюю пустыню, дабы сокрыться в ней навечно. На закате я вернулся к себе в пещеру, присел на край постели и закрыл лицо руками — тут мне послышался шум; я поднял глаза и — истинная правда! — увидел на другом краю постели того самого человека, которого я же убил и закопал. Сидя в шести футах от меня, он кивнул мне, взглянул на меня своими тусклыми глазами и засмеялся. Я опроме-

тью выскочил из пещеры, ринулся через лес, повалился ничком — и напротив меня, в шести футах от моего лица, вновь оказалось лицо этого человека! Во мне разыгралась храбрость, и я заговорил, но он не ответил. Я попытался схватить его, он ускользнул и вновь оказался напротив, в шести футах от меня, как и прежде. Я кинулся на землю, вжался в нее лицом и не поднимался, пока не наступила ночь и землю не покрыла тьма. Тогда я встал и вернулся в пещеру; я лег на постель, а этот человек лежал подле меня; я нахмурился и попытался схватить его, как раньше, но не сумел, а потом я закрыл глаза, *а этот человек лежал подле меня*. День следовал за днем, и одно было неизменно. За едой, в постели, внутри пещеры и снаружи, когда я вставал и садился, днем и ночью, рядом с моим ложем, в шести футах, не дальше, маячил жуткий мертвец. И я говорил, обозрев прекрасную землю и тихие небеса, а потом повернувшись к моему страшному спутнику:

— Я никогда не останусь один!

И он смеялся.

Наконец к острову приблизился корабль, я подал знак, меня взяли на борт, и, ступив на палубу, я подумал: «Я избавлюсь от моего мучителя!» И тут я увидел, что он тоже взбирается на палубу; я попытался столкнуть его в море, но тщетно; он был рядом со мной, *ел и спал вместе со мной, как раньше!* Я вернулся домой, на родину! Я заставлял себя посещать людные сборища, ходил на приемы, на концерты, я устроил так, чтобы поблизости всегда находились тридцать человек, день и ночь не сводившие с меня глаз. Поэтому меня всегда сопровождал тридцать *один* спутник, и этот *один* был гораздо общительнее, нежели все прочие.

Наконец я сказал себе: «Это наваждение, обман чувств, этого *не существует*, разве только в моем воображении. Я обращусь за советом к тем, кто сведущ в подобных расстройствах, и *снова буду один!*»

Я призвал одного прославленного искусника, умевшего снимать пелену и морок с духовных очей, взял с него клятву сохранить все в тайне и поведал свою историю. Он был человек смелый и ученый и пообещал мне облегчение и освобождение.

— Где же теперь это явление? — спросил он с улыбкой. — Я ничего не вижу.

— В шести футах от нас, — ответил я.

— Я ничего не вижу, — повторил он, — а будь оно реальным, мои чувства восприняли бы образ не менее осязаемый, чем ваши.

И он заговорил со мной будто школьный учитель. Я не возражал и не отвечал, но велел слугам подготовить комнату и обсыпать пол толстым слоем песка. Когда все было исполнено, я пригласил врачевателя проследовать за мной в эту комнату и запер дверь.

— Где же теперь это явление? — снова спросил он.

— В шести футах от нас, как и прежде! — ответил я.

Врачеватель улыбнулся.

— Посмотрите на пол! — промолвил я и показал пальцем на песок. — Что вы видите?

Врачеватель вздрогнул и ухватился за меня, чтобы не упасть.

— Этот песок, — сказал он, — был гладким, когда мы вошли, а теперь я вижу там человеческие следы!

А я засмеялся и повлек своего *живого* спутника за собой.

— Смотрите, — сказал я, — куда бы мы ни пошли, он следует за нами!

У врачевателя перехватило дыхание.

— Это следы тех же самых ног! — промолвил он.

— Стало быть, вы не можете мне помочь? — вскричал я с внезапным бешенством. — И мне *никогда* не суждено остаться одному?

И я увидел, как ноги мертвеца выводят на песке такие слова:

«Уединение — удел безвинных.

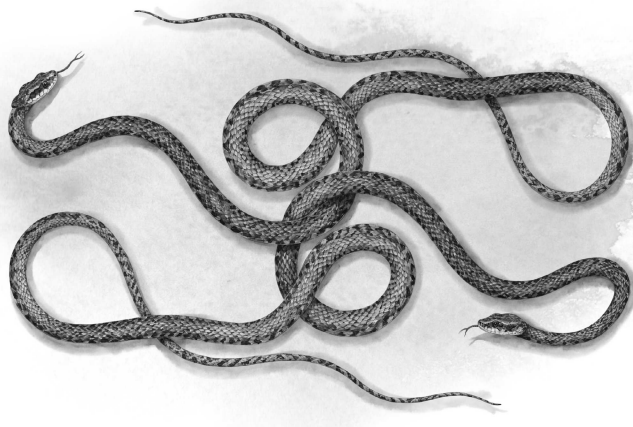
Скверные мысли — спутники на краткое время.

Скверные деяния — спутники на целую вечность.

Твоя ненависть принудила меня нарушить твое одиночество.

Твое преступление разрушает одиночество навсегда».

1830 / 1835

Эдгар Аллан По

1809–1849

Вильям Вильсон

Что тут сказать? Что скажет совесть,
Злой призрак на моем пути?

Чемберлен. Фаронида

Позвольте мне на сей раз назваться Вильямом Вильсоном. Нет нужды пятнать своим настоящим именем чистый лист бумаги, что лежит сейчас передо мною. Имя это внушило людям слишком сильное презрение, ужас, ненависть. Ведь негодующие ветры уже разнесли по всему свету молву о неслыханном моем позоре. О, низкий из низких, всеми отринутый! Разве не потерян ты навек для всего сущего, для земных почестей, и цветов, и благородных стремлений? И разве не скрыты от тебя навек небеса бескрайней непроницаемой и мрачной завесой? Я предпочел бы, если можно, не рассказывать здесь сегодня о своей жизни в послед-